

РЕЦЕНЗИИ

=====REVIEWS=====

АПОФАТИЧЕСКИЙ КОД РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: Рецензия на монографию М.А. Дударевой «Россия: зимний путь. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, С.А. Есенин, А.А. Блок»

© 2023 В.А. Гавриков

*Гавриков Виталий Александрович, доктор филологических наук, профессор
кафедры государственного управления и менеджмента
Брянского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
Брянск, Россия*

М.А. Дударева начинает свой труд с теоретического обоснования подхода к исследованию классических творений русской литературы. Действительно, хрестоматийные тексты, особенно XIX в., обрели не только подробнейший биографический комментарий, но и имеют множественные интерпретации в рамках, условно говоря, традиционных подходов. Для того чтобы пройти дальше, чтобы преодолеть эту инерцию «привычки милой», современному исследователю нужно посмотреть на классические произведения с новых ракурсов. Именно это М.А. Дударева и предлагает: «В творчестве каждого большого поэта обязательно найдется произведение, которое не подвластно одному биографическому комментированию и требует имманентного онтогерменевтического прочтения» (с. 10-11).

Подобный подход, например, позволяет вскрыть «ускользающий апофатизм пушкинского творчества» (с. 13) (здесь и далее курсив принадлежит автору цитируемых фрагментов), открыть новые перспективы в осмыслении привычных мотивов и образов. Вот М.А. Дударева берет всем известный текст – «Зимняя дорога» А.С. Пушкина: как она сама отмечает, уже со школьной скамьи мы усваиваем это произведение, оно входит в нашу культурную память и мировоззрение. Однако за простыми словами, как будто понятными любому школьнику, как за фальшфасадом, скрыто иное пространство или, точнее сказать, пространство иного. Недаром одно из ключевых слов в книге М.А. Дударевой – апофатика, игра с неизвестным, с тем, о чем, по слову Витгенштейна, следует молчать.

Одним из ключей к разгадке пушкинских тайн служит скрытый фольклоризм его образного мышления. В самом деле, народное творчество выработало особую систему «примет» – образов-

символов, которые апеллируют к неким архетипам и концептам. Замечательно, что автор монографии вовсе не стремится напрямую сопоставить фольклорную семантику с пушкинскими смыслами (чем нередко грешат современные исследования), но пытается понять, как классик преобразует традицию, как он выходит из нее, чтобы создать собственный «космо-психо-логос» (с. 13).

Действительно, слепая интерполяция какой бы то ни было знаковой системы в его поэтическую вселенную вряд ли могла удовлетворить великого поэта. Но если переработка шла, то как она шла? Именно об этом и рассуждает М.А. Дударева, когда рассматривает субъектный строй текста, а также его хрототоп. Она отмечает: «Апофатизм ситуации заключается в том, что лирический герой приобщается к знаниям ноуменального мира только ночью, когда пропадает суета дня, вместе с гостями и даже *милой*, но земной возлюбленной, и тогда появляется *идеальный спутник* поэта, Нина» (с. 19).

Это интересное наблюдение за женским образом вводит нас в ситуацию двоимирия: Нина оказывается как будто заново ипостазированной, преображенной силой особого пути, в котором угадываются фольклорные мотивы смерти и загробья. Иными словами, Нина – не только риторический собеседник, «важен ее онтологический статус и *сопричастность* метафизическому пространству» (с. 19). Соответственно, есть все основания предположить, что Нина оказывается мистическим медиатором, который связывает мир этот и тот, а значит, выступает неким аналогом сверхсущества, что ведет душу человека в загробье (распространенный актант многих мифологических сюжетов). Соответственно, исследовательница отмечает: «Пушкинский герой проживает свою *зимнюю дорогу* как инициационный

путь, и его помощником, своего рода чудесным проводником выступает Нина» (с. 20).

Подобный же онтогерменевтический подход позволяет М.А. Дударевой предложить интересную интерпретацию и другого хрестоматийного текста русской литературы – стихотворения «Парус» М.Ю. Лермонтова. Ученый обращает внимание на лирическую оптику этого произведения, на позицию субъекта: «Но в данном случае куда важнее *дистанция* в начале произведения между «я» и «парусом» (я нахожусь на берегу, а парус – вдали). В этом отношении в плане восприятия может помочь онтологическая схема М.М. Бахтина «я – «другой», где на границе между ними совершается *со-бытие*» (с. 23). Выход на мифопоэтику пространства снова оправдывает себя, позволяя дать этому тексту не только традиционную пейзажно-символическую трактовку, но и фольклорно-мифологическую. По-иному прочитываются исследователем и другие мотивы этого стихотворения, например, интересны рассуждения о цветовой символике, которая при новом интерпретационном ракурсе работает на инобытийную семантику. Закономерно возникает и предположение, что перед нами «движение мифологического героя к Мировой оси» (с. 24), соответственно, снова речь заходит об инициационном пути.

Любопытно также, как автор исследования связывает этот текст с восточной поэзией, в частности, с суфийской традицией, поясняя, что Лермонтов был знаком с этим культурным пластом, что он существенно повлиял на выстраивание его поэтических смыслов. Приводятся и размышления В. Розанова, который осмыслил связи лермонтовского творчества с халдейскими верованиями. Все это, конечно, расширяет герменевтические горизонты лермонтоведения.

Через призму онтогерменевтического прочтения М.А. Дударева пропускает и стихотворение Есенина «Письмо к женщине», пытаясь доказать, что поэт (может быть, даже невольно) воспроизводит сложную картину онтологического пространства, апеллирующую к той же мифопоэтической, символической семантике. Центральным здесь оказывается образ-символ корабля, который может трактоваться и с позиций фольклорно-поэтических, и с позиций богословских (в христианстве корабль – парафраз Церкви). Но и это, конечно, не исчерпывает интерпретационной глубины есенинского «корабля-мира».

Важна у Есенина и колористика, которая дает интересные отсветы при онтогерменевтических

толкованиях. Так, своеобразной антиномией цветового спектра становится апофатический мотив мглы, прослеживающийся во многих текстах классика, в частности, в «Москве кабацкой». М.А. Дударева отмечает дуальность и даже амбивалентность есенинской «мглы»: «Что такое мгла онтологически? Это важный культурный код, или *культурное априори*, для русского космо-психологоса. Она состоит из света вечернего и невечернего одновременно» (с. 38). Исследовательница связывает его с дорациональными представлениями, где мир воспринимающему сознанию явлен нерасчлененно-образно, то есть синкретически. Кроме того, этот мотив напрямую связан с ритуальным поведением лирического героя, направленным на медиацию между мирами. То есть перед нами снова танатологическая семантика, порожденная сакральными кодами народной культуры. «С.А. Есенин отправляет в иномирное путешествие своего героя, но не столько на поиск ключевского заветного Китеж-града, сколько с целью узреть и постичь целокупность Божьего мира, познать и долнее, и горнее», – резюмирует исследовательница (с. 41).

Последняя глава монографии – «Россия-София А.А. Блока». Об этом сложном (в двух значениях) понятии М.А. Дударева говорит с позиции пограничной семантики, перед нами снова онтологическая медиация: «Русская софиология, представленная трудами Вл. Соловьева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, П. Флоренского, Г. Флоровского, дает представление о Софии как о некоей энергии границы между тварным и нетварным, одновременно разделяющим и объединяющим горнее и долнее...» (с. 44).

Исследовательница подчеркивает, что блоковская софиология в своей полноте постигается только при обращении к полному корпусу текстов, речь идет и о любовной лирике, и о произведениях, посвященных России. И здесь поэт глубоко воспринял народную традицию отождествления Родины с Матерью, во многом перекодировав семантически имеющийся «стереотип». В этой связи очень важно стихотворение «Россия», написанное Блоком в 1908 г. М.А. Дударева делает акцент на его антиномичности и парадоксальности, которые как раз и призваны выразить апофатическое, притом что «любая антиномия все-таки стремится к целокупности» (с. 46).

Работая с подтекстами и интертекстами, а также с цветовой семантикой, исследовательница показывает, как проявляется «метафизическое значение» (с. 51) этого текста, встроенного в

традицию русской поэзии, а конкретно – в традицию стихотворений о пути в иномирие.

Важен и мотив плата, покрыва, а соответственно, «сакрального космического покровительства», который снимает антиномию двух миров, наделяет пространство постижимым смыслом. То есть через прикосновение к софийности, к Вечной женственности «разрешается и видимое противоречие: невозможное, то есть, читай здесь, как невыразимое, непостижимое *возможно* здесь, на этой земле, в дольном мире, когда ты сможешь узреть, даже находясь в самых тяжелых обстоятельствах, мгновенный взор из-под платка, женского платка, но эта обычная русская женщина несет в себе *ответ* великой Софии» (с. 53). Поэтому так важен «мгновенный взор из-под платка» для преобразования дороги в путь по онтологической оси.

Словом, автору удалось дать ряд неожиданных толкований, казалось бы, «зачитанным до дыр» хрестоматийным текстам, обозначить глубину той перспективы, которая открывается при онтогерменевтическом подходе. При этом эти тексты кажутся неисчерпаемым источником загадок для будущих исследователей, которые не удовольствуются их мнимой простотой. То есть монография М.А. Дударевой – имплицитный призыв к дискуссии, попытка сместить филологический «фокус» к новым смыслам.

16 мая 2023 г.